

о Пушкине» и не воспоминание ли о ней навеяло через два года, когда Пушкин писал стихотворение к Мицкевичу, строки:

он вдохновен был свыше и с высоты
взирал на жизнь.

Негодование Вяземского на отношение правительственных чиновников к Мицкевичу выражает то стремление к гражданской свободе, которое было доступно еще молодому тогда политическому пониманию прогрессивных литераторов прошлой России.

Печатаемые материалы дают возможность установить точные даты свиданий (по крайней мере, некоторых) Мицкевича и Пушкина:

- 1) 30 апреля 1828 года — вечером и ночью у Пушкина.
- 2) 11 мая — на обеде у А. А. Перовского.
- 3) 16 мая — у А. Г. Лаваль.
- 4) 20 мая — у Олениных в Приютино.

Таким образом письмами Вяземского дополняются сведения о жизни Мицкевича в Петербурге и Москве в 1828 году, и на фоне этих писем разъединенные жизнью являются вновь соединенные письмами два великих поэта: Пушкин и Мицкевич.

М. Боровкова-Майкова

Х

Пушкин у Трубецких ¹

В Государственном театральном музее им. А. А. Бахрушина, среди альбомов, собранных покойным основателем музея, имеется альбом, принадлежавший бар. Наталии Федоровне Бодэ, рожд. Колычевой. Альбом этот, в желтом кожаном переплете, наполнен вклеенными в него рисунками ее детей. Один из них, карандашный рисунок, подкрашенный акварелью, мы здесь воспроизводим в размере подлинника, воспроизводим факсимильно и подписи к изображенным лицам, сделанные на странице альбома под наклеенным на ней рисунком.

Рисунок изображает «бал у Трубецких 24 ноября в Катеринин день 1834 года».

¹ При составлении настоящей заметки я пользовалась многими указаниями Н. П. Чулкова, которому приношу свою глубокую благодарность.

Ничем не примечательная картинка. Беспомощный девичий рисунок, каких можно найти множество в старинных альбомах, когда все понемножку писали стихи и рисовали, рисунок этот не заслуживал бы никакого внимания, если бы среди гостей под пятым номером не стояло имя: *Alexandre Rouchkin*. Имя Пушкина сразу возбуждает интерес к серой, казалось, ничтожной, картинке, и с любопытством начинаешь рассматривать маленькую фигурку курчавого человека с бачками, читаешь имена танцовавших на одном балу с Пушкиным, пытаешься расшифровать, у каких Трубецких был Пушкин в Катеринин день. Большинство подписей, обозначающих персонажей бала, сделано карандашом, и многие настолько стерты, что не поддаются прочтению.

Среди людей более известных находим здесь Феофила Матвеевича Толстого (42. *Théophil Tolstoy*) (1809 — 1881), музыкального критика (с пятидесятих годов), автора салонных романсов, в том числе на слова Пушкина «Я вас любил» (1831), и неудачных опер и цензора-взяточника. Будучи архаистом в музыкальных вкусах, Толстой в своих рецензиях очень враждебно встречал музыку Мусоргского, в ответ на что композитор осмелел его любовь к итальянщине в «Райке» (1870), где вывел его под звуки салонного вальса:

Фиф примиритель,
Фиф всесторонний.
Всю жизнь он вертелся,
Ну и завертелся:
Ничему не внемлет
И внимать не в силах,
Внемлет только Патти,
Патти обожает,
Патти воспевает,
«О Патти. Патти,
О Па-па-Патти. . .»¹

Глинка, с симпатией вспоминая юного Ф. Толстого, с возмущением рассказывает о том, как грубо объяснял «знаменитый наш критик (!)» музыку «Камаринской», привнося в нее чуждую Глинке убогую программность.¹

В шестидесятых годах Ф. Толстой написал роман «Болезни воли», взволновавший девочку Веру Фигнер примитивно разрешенной проблемой правды. Имя Толстого неоднократно упоминается в письмах Мусоргского (всегда с раздражением),

¹ Записки М. И. Глинки под ред. А. Н. Римского-Корсакова. Изд. «Academia» 1930, стр. 335, 357.

в сатирах Некрасова, в письмах Алексея Толстого и в воспоминаниях Веры Засулич.

В начале тридцатых годов это был, хотя и «славный музыкант», но «еще недоросль», которому на этом основании московский почт-директор А. Я. Булгаков отказал в руке дочери своей Екатерины, даже не поговорив с нею.¹

Второе известное лицо — кн. Сергей Григорьевич Голицын, «Фирс». Но тут возникает вопрос: он ли изображен под № 18? Дело в том, что подписи к лицам сделаны в два приема — первый раз чернилами было обозначено очень незначительное число гостей. Тогда они все были перенумерованы. Очевидно, писавшее лицо не всех узнавало. Второй раз имена действующих лиц были написаны карандашом, причем два из прежде написанных были переправлены. Таким образом, отмеченный чернилами P-se Léon Galitzine был заменен словами Serge и Firs. Это были два брата. Старший Сергей Григорьевич (1803—1868), по прозвищу Фирс, приятель М. И. Глинки, известный меломан, певец, рассказчик и стихотворец, «Ночи певец и картежник», о котором Пушкиным сложен куплет:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те те те и те те те.

Рост его был настолько огромен, что однажды в театре ему стали кричать «садитесь, садитесь!». Тогда он встал и сказал своим громким басом: «вот это я стою», и, сев, сказал: «а вот это я сажу».

Второй брат — Лев Григорьевич (1804—1871), писатель и композитор, — «высокий Léon Galitzine», как называет его А. Я. Булгаков.²

Н. И. Трубецкой (22. Nicolas Troubetzkoу (1807—1874) был в отрочестве учеником Погодина, от которого он воспринял славянофильские взгляды. Впоследствии, переселившись во Францию с женой своей, он перешел в католичество и производил странное впечатление своими сумбурными понятиями. И хотя русские, попадавшие в пятидесятых-шестидесятых годах в Париж, непременно заезжали в чопорный замок Трубецких Belle fontaine в Фонтенебло, но все неизменно, каких бы направлений они ни были, дружным хором сходились в оценке католика-славянофила.

¹ См. его письмо к брату от 25 октября 1833 года, «Русский архив» 1902, № 4, стр. 608.

² «Русский архив» 1902, № 4, стр. 618

«Он тупец», «глуп, жесток», — заносит молодой Лев Толстой о двоюродном дяде в свой дневник (14 и 18 февраля 1857 года).

Ив. С. Аксаков жалеет «потерять для него весь вечер, слушая его глупую болтовню».¹

Герцен, которого Трубецкой очень радушно принял, за что было ему «не совсем хорошо», тоже издевался над его «глупыми брошюрами».²

«Добродушным, но крайне ограниченным человеком» считает его и стоявший впоследствии во главе цензурного ведомства Е. М. Феокистов.³

Но будучи человеком чрезвычайно типичным, Трубецкой нашел отражение в литературе. К. С. Аксаков сатирически изобразил его в пьесе «Князь Луповицкий или приезд в деревню».⁴ С ним же связывают⁵ и образ «князя Коко, одного из известных предводителей дворянской оппозиции» в «Дыме» Тургенева и сатирические строки в «Недавнем времени» Некрасова:

Впрочем были у нас руссофилы
 (Те, что видели в немцах врагов),
 Наезжали к нам славянофилы,
 Светский тип их тогда был таков:
 В Петербурге шампанское с квасом
 Попивали из древних ковшей.
 А в Москве восхваляли с экстазом
 До-Петровский порядок вещей,
 Но живя за границей, владели
 Очень плохо родным языком
 И понятия они не имели
 О славянском призвании своем.
 Я однажды смеялся до колик,
 Слыша как князь NN говорил:
 «Я, душа моя, славянофил». —
 «А религия ваша?» — «Католик».

Остальные фигуры — ничем не выделявшиеся люди, фон, на котором можно было встречать Пушкина в светских гостиных.

Две дочери попечителя Московского учебного округа князя Андрея Петровича Оболенского — Наталья (9. P-sse Natalie Андреевна Obolensky) (1812—1901) и Александра (34. P-sse

¹ «И. С. Аксаков в его письмах», ч. I, т. III, М. 1892, стр. 324—325.

² Письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 5.I.1861. См. Полное собр. соч. и писем А. И. Герцена под ред. Лемке, т. XI, стр. 6.

³ Е. М. Феокистов, «За кулисами политики и литературы», под ред. Ю. Г. Оксмана, Л. 1929, стр. 47.

⁴ Там же.

⁵ Ю. Г. Оксман в той же книге, стр. 73.

Alexandrine Андреевна Obolensky) (1817—1844), соседки семьи Боде по имению Подольского уезда, Московской губ. Наталья Андреевна изображена беседующей со своим будущим мужем Сергеем Петровичем Озеровым (8. Serge Oseroff) (1809—1884), сыном сенатора и почетного опекуна в Москве; сам он был офицером л.-гв. Литовского полка, позднее директором Пажеского корпуса и почетным опекуном.

Его двоюродная сестра Вера Васильевна Озерова (37. Vera d'Oseroff) (р. 1818) — дочь смотрителя Вдовьего дома, бывшая в первом браке замужем за кн. Ник. Ник. Манвеловым (р. 1816), изображенным также на этом балу (31. Manveloff).

Брат зятя С. П. Озерова — Александр Яковлевич Скарятин (27. Alexandre Scariatine) (1815—1884), сын убийцы Павла I, будущий генеральный консул в Неаполе.

Ряд барышень обозначен одними именами: Nani, Ketty, Natalie, Clémentine, Lucie. Первые три — баронессы Боде, дочери строителя кремлевских зданий в Москве, камергера бар. Льва Карловича Боде (ум. в 1859) и жены его Натальи Федоровны, рожд. Кольчевой (1790—1860).

Анна Львовна Боде (21. Nani) (1815—1868) была в течение двадцати лет фрейлиной, некоторые годы жила в Зимнем дворце. В 1854 году вышла она замуж за кн. Александра Ивановича Долгорукова. Сохранились неполностью ее дневники за многие годы, рисующие чрезвычайно экзальтированную девушку, со всей непосредственностью описывающую свои влюбленности. В этой галлерее ее героев проходят и персидский принц Хозрев-Мирза, приезжавший извиняться за убийство Грибоедова и пленивший русских барышень, и модный московский врач А. Е. Берс, отец С. А. Толстой, и кн. Владимир Меншиков, праправнук временщика, и Николай I, страстным поклонением которому наполнены ее дневники.

Среди записей А. Л. Боде под 4 февраля 1837 года мы находим взволнованные слова о смерти Пушкина:

«Я чувствую подавляющую грусть, и у меня даже приступы лихорадки; то у меня озноб, вызывающий дрожь, а спустя мгновение — меня бросает в жар, и это меняется поминутно. О! смерть Пушкина меня очень расстроила... Напрасно ищу я развлечений, я не могу овладеть собой, чтобы быть веселой; правда, я совсем больна!»¹

¹ Оригинал по-французски. Дневники приобретены Комиссией по устройству «Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» (Москва, 31, Рождественка, 5). Эти дневники готовятся мною к печати.

Факта знакомства с Пушкиным в уцелевших листках дневника не видно. Но интерес к его произведениям (по мере выхода в свет томов посмертного издания его сочинений) очень большой.

Что же касается до бала у Трубецких, то по дневникам мало что удастся выяснить, так как не все листки за ноябрь 1834 года сохранились.

Рисунками, подобными воспроизводимому здесь, занималась, повидимому, А. Л. Боде. В дневнике за 1838 год находим такую запись:

«Первая неделя великого поста.

«. . . Усердно молясь богу эту неделю, я все же не могла сдерживать себя, чтобы не думать о Владимире. Я нарисовала бал Трубецких в карикатурах, и Володя очень похож, сразу видно, что он — король праздника, что и было целью моего рисунка».

Но наш рисунок сделан, повидимому, второй сестрой, Натальей Львовной Боде (32. Natalie) (1817—1843), умершей девушкой. Он не подписан, но в альбоме матери есть очень близкий рисунок бала, под которым имеется помета: «fait par la b-onne Natalie Lwovna de Bode 1837» В нем мы узнаем непринужденную манеру автора нашего рисунка. Неопытная рука не мешает проявиться наблюдательности юной художницы, и ее окарикатуренные фигуры дают довольно яркое представление об изображенном обществе. Надо заметить, что сличение этих набросков с настоящими портретами изображенных лиц показывает, что художница умела улавливать сходство. (Ср., например, наброски портретов Пушкина, М. Ф. Петрово-Соловово — с портретом его в «Сборнике биографий кавалергардов», Фирса Голицына — с рисунком в альбоме Жуковского в музее Пушкинского Дома Академии наук (ИРЛИ).

Третья сестра Боде была Екатерина Львовна (30. Ketty) (1819—1867). Она «славилась своею красотою, необыкновенной прелестью и изящной ловкостью в танцах, особенно в вальсе. Было признано всеми, что лучше ее вальсировать уже невозможно, и самое имя ее в краткой типической форме: «Кетти Боде» — разносилось и чествовалось в аристократическом обществе не только Москвы, но и далеко за ее пределами». Так вспоминает «notre philosophe Bouslaieff», как называет А. Л. Боде будущего академика Ф. И. Буслаева, в молодости бывшего в семье Боде домашним учителем.¹ В 1842 году Екатерина Львовна вышла замуж за Павла Александровича

¹ «Мои воспоминания» академика Ф. И. Буслаева М 1897 стр 144.

Олсуфьева. Вторым ее мужем (с 1849 года) был кн. Александр Сергеевич Вяземский.

Clémentine (43) — одна из двоюродных сестер рисовальщицы — бар. Клементина Клементьевна Боде или бар. Клементина Андреевна Боде (ум. 1846).

Lucie (39) — Люция Осиповна Мантейфель, впоследствии гр. Тизенгаузен, подруга барышень Боде, часто упоминаемая в дневнике Анны Львовны.

Гр. Анна Андреевна Гудович (15. Comtesse Anne Goudowitch) (1818—1882) — сводная сестра Люси Мантейфель, дочь московского губернского предводителя дворянства гр. Андрея Ивановича Гудович, с 1837 г. жена кн. Н. И. Трубецкого (см. выше).

Кж. Александра Александровна Меншикова (14. Alexandrine Menchikoff) — дочь кн. Александра Сергеевича Меншикова, будущего главнокомандующего во время севастопольской кампании, тогда финляндского генерал-губернатора, тоже приятельница А. Л. Боде. Позднее она была замужем за Иваном Яковлевичем Вадковским.

Кж. Екатерина Андреевна Гагарина (26. Catherine Gagarine) — дочь шталмейстера, подруга девиц Боде, соседка их по подмосковным имениям.

Кн. Петр Александрович Урусов (1810—1890) (12. Pierre Ouroussoff), — один из сыновей начальника Дворцового управления, в доме которого бывал Пушкин. Сестра П. А. Урусова, Софья Александровна, воспета в мадригале, приписываемом Пушкину: «Не веровал я троице доньне».

Дмитрий Паткуль (11. Patkul) так же как и П. А. Урусов, часто упоминается в дневнике Анны Львовны Боде.

Гр. Николай Васильевич Орлов-Денисов (35. Comte Nicolas Orloff-Denissoff) (р. 1815) — сын первого гр. Орлова-Денисова, офицер, хороший знакомый семьи Боде, карикатуры на которого встречаем и в альбоме рисунков бар. Льва Львовича Боде.¹

Нарисованный под № 36 гусар сперва был обозначен как Потапов, но затем имя это было заменено другим: Simon Abamelek Кн. Семен Давыдович Абамелек (1815—1888) — с 1873 года Абамелек-Лазарев. Его упоминает (2 апреля 1840 года) А. Л. Боде в своем дневнике: «Помоему, нет ничего смехотворнее этой восточной семьи, — они ужасны. Красив только сам

¹ Приобретаются комиссией по устройству «Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» (Москва).

Абамелек и его сестра госпожа Баратынская, на которую он очень похож». Этой сестре написал Пушкин в альбом стихи

«Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас нянчить с восхищеньем...»

Уже самый состав гостей, преимущественно москвичей, говорит за то, что бал был в Москве. Дневник А. Л. Бодде подтверждает, что в это время вся семья их была в Москве.

24 ноября 1834 года Пушкин был в Петербурге и поэтому его участие на этом балу было только на рисунке.

Остается выяснить, у каких Трубецких был бал, изображенный на рисунке.

В Москве в это время было две семьи князей Трубецких: первая, к которой принадлежал вышеупомянутый Николай Иванович, жившая в своем доме на Покровке, а летом под Девичьим или в имении Знаменском. У этих Трубецких Пушкин часто бывал в детстве,¹ бывал и в 1826 году,² пока они жили семьей.

К 1834 же году родители уже умерли, дочь Аграфена была замужем за А. П. Мансуровым и жила в Берлине. Софья Ивановна еще в 1820 года была женой приятеля Пушкина, А. В. Всеволожского. Теперь семью составляли только любовь Погодина — Александра Ивановна и его ученик Николай Иванович.

В 1831 году, после смерти матери, они уже не жили в своем большом доме-«комоде» на Покровке, а занимали «три узенькие комнаты»,³ затем в конце 1831 года они покинули Москву, уехав в Петербург для того, чтобы переехать в Берлин к сестре своей, Мансуровой. Но переезд за границу, очевидно, не состоялся, и в 1837 году оба оказываются в Москве, причем в сентябре вышла замуж Александра Ивановна за кн. Н. И. Мещерского, а 12 ноября Николай Иванович женился на гр. А. А. Гудович.

Мог ли изображенный бал происходить у этих Трубецких? Нам неизвестна обстановка их жизни в 1834 году, как был поставлен дом, бывали ли там приемы. Но за то, что это могло быть у них, говорит то, что как раз 24 ноября 1837 года, т. е. в тот же день через три года, у только что женившегося

¹ П. И. Бартенева, «Материалы для его биографии». «Лит. отдел Московских ведомостей» 1854, 15/VI, № 71. «Маленький Пушкин часто бывал у Трубецких (князя Ивана Дмитриевича)».

² См. М. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» («Пушкин и его современники», в XIX.—XX, стр. 77).

³ Барсуков, «Жизнь и труды Погодина» кн. III, стр. 372.

Николая Ивановича был бал, и многие из изображенных на этом вечере были на балу 1837 года (П. А. Урусов, Паткуль, Орлов-Денисов).¹

В январе 1838 года был у молодоженов обед, на котором было одно лишь семейство Боде. Семьи были очень близки, говорит А. Л. Боде, и нельзя быть уверенным, что она имеет в виду семью Гудович, а не семью Трубецких.

Повторение даты 24 ноября для бала у неизвестных Трубецких в 1834 году и для бала у Николая Ивановича Трубецкого в 1837 году может быть совпадением, а может быть традицией, в память матери Николая Ивановича, Екатерины Александровны, тем более что под рисунком помечено не только 24 ноября, но и «Екатеринин день».

Вторые Трубецкие, у которых мог быть бал 24 ноября 1834 года, были старики Иван Николаевич (ум. 1844) и жена его Наталья Сергеевна, рожд. кж. Мещерская (ум. 1852). Это были очень богатые, широко жившие люди, славившиеся своими балами в особняке в Знаменском переулке,² в доме, который внуком их был продан Щукину. Долгое время там помещался Щукинский музей, затем музей фарфора, а теперь музей Маркса, Энгельса и Ленина.

У этих Трубецких было три сына: Николай (1797—1874), Петр (р. 1797³) и Алексей (р. 1806). Одно из первых посланий Пушкина «Городок» обращено к Трубецкому.⁴

Вероятнее всего, оно обращено к сыну Ивана Николаевича — Николаю Ивановичу, известному под прозвищем «Je pain jaune» (желтый карлик). Пушкин всю жизнь поддерживал с ним отношения, чему мы имеем несколько свидетельств. В 1831 году 6 января в Остафьеве у Вяземских был вечер,⁵ куда еще четвертого числа Пушкин поехал в компании с Денисом Давыдовым, Н. А. Мухановым и Н. И. Трубецким.⁶

¹ Записки в дневнике А. Л. Боде.

² См., например, «Записки кн. А. В. Мещерского» («Русский архив» 1900, № 7, стр. 381—382).

³ Более точных сведений нет.

⁴ См. примечание Ю. Г. Оксмана к списку произведений Пушкина, составленному им в 1816 году. (Собр. соч. Пушкина в шести томах, приложение к журналу «Красная нива» 1931, т. V, стр. 510).

⁵ «Русск. архив» 1879, № 5, стр. 115.

⁶ Ошибочно считал покойный Б. Л. Модзалевский «Ник. Трубецкого» (о котором Пушкин записал в дневнике, что обедал у него в Петербурге 29 марта 1834 г.) за этого москвича Николая Ивановича Трубецкого. На самом деле это был вероятно кн. Никита Петрович Трубецкий (1804—1855), брат декабриста, отставной офицер Кавалергардского полка.

Н. И. Трубецкой владел прекрасной библиотекой, купленной им в начале тридцатых годов у А. С. Норова¹ (позднее Норов собрал вторую библиотеку, которая хранится теперь в Публичной библиотеке им. Ленина в Москве). Пушкин знал библиотеку Трубецкого, о чем упоминает в примечаниях к «Истории Пугачевского бунта». Называя французскую книгу XVII века о Степане Разине, Пушкин добавляет: «Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому».

Повидимому, библиотека кн. Трубецкого так славилась в свое время, что Соболевский, сам страстный библиофил, сделал в нее исключительный вклад. У него был экземпляр «Цыган» Пушкина, напечатанный весь на пергаменте. Такой экземпляр заказал поэт для Соболевского, и эту вдвойне ценную книгу Соболевский подарил Трубецкому.²

Кн. Н. И. Трубецкой был военным до 1826 года, а с 1827 года служил на гражданской службе. В 1834 году он был почт-инспектором в Москве. В 1829 году умерла его жена В. А., рожденная Мусина-Пушкина, оставив ему двух маленьких дочерей.

Второй сын Ивана Николаевича Трубецкого, Петр Иванович, служил в провинции.

Третий сын Трубецкого, Алексей Иванович (р. 1806), был «калмыцким приставом», но в 1834 году приехал в Москву, где 18 февраля женился на кж. Надежде Борисовне Святополк-Четвертинской (1812—1909), племяннице приятельницы Пушкина кн. Веры Федоровны Вяземской. Н. Б. Трубецкая и ее сестры были дружны с девицами Боде, и в дневнике Анны Львовны как за 1834 год, так и за другие годы, мы встречаем записи о том, что Nadine Troubetzkoу была у Боде иногда

приятель Соболевского, знакомый Пушкина, который еще в 1828 году проигрывал ему в карты. О нем см. в печатающейся книге «Рукою Пушкина». Дружеское приглашение к обеду от Трубецкой в январе 1835 года (см. Переписку Пушкина, изд. Академии Наук) было, вероятно, от его жены, судя по помещенному ею адресу (9 рота, близ Литейной, в доме Аршеневского, № 3). Никита Петрович Трубецкой жил в Петербурге в 9 роте, в доме Долгова, № 1 (см. Нистрем, «Адрес-календарь на 1844 год», стр. 3). Когда настоящая заметка была уже сверстана, Л. Б. Модзалевский любезно сообщил мне, что в библиотеке Пушкина нашлась визитная карточка «Le prince Nicolas Troubetzkoу. Officier au régiment Preobrajensky» (см. «Временник Пушкинского Дома». 1914 г., стр. 12). Может быть Пушкин обедал в Петербурге 29 марта 1834 года у этого «Ник. Трубецкого»?

¹ «Русский архив» 1869, кн. I, стб. 064.

² В настоящее время книги этой нет в поле зрения специалистов.

одна, иногда с мужем. Надежда Борисовна, дожив почти до ста лет, сохранила ясную память о событиях своей молодости и любила рассказывать правнуку своему, а он передал это мне, как она танцевала с Пушкиным на балах, и как он бывал у них в доме в Знаменском переулке.

Очень вероятно, что бал, изображенный Натальей Львовной Бюде, воспроизводит действительно бывший в Знаменском переулке бал; возможно, что рисунок сделан значительно позднее (как мы видели с рисунком Анны Львовны, изобразившей весной 1838 года бал, бывший за четыре месяца), и изображение Пушкина, бывшего 24 ноября 1834 года в Петербурге, надо объяснять либо абберрацией памяти (художница могла встречать его в этом доме в другие дни), либо желанием сделать бал интереснее, чем он был.

Хотя Пушкин на данном вечере не был, но в этом обществе «досадной пустоты» бывал, и мы имеем теперь и зрительное впечатление от «кокеток богомольных», «шалых балованных детей», «везде встречаемых лиц, необходимых глушцов», окружавших поэта «в мертвящем упоеньи света».

Т. Зенгер

